

БРИКС BRICS

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-2-286-311

EDN: GXVEKS

Научная статья / Research article

Политико-правовые аспекты сотрудничества стран БРИКС в сфере искусственного интеллекта: к формированию альтернативного регуляторного подхода

Б.В.Ф. Агоннуде¹ , В.А. Глебов¹ А.А. Маслов² ¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация²Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация freddyagonnude@mail.ru

Аннотация. Глобальное регулирование искусственного интеллекта (ИИ) сегодня артикулируется в парадигме биполярного противостояния брюссельского и калифорнийского подходов. В исследовании утверждается, что страны БРИКС предпринимают попытку сконструировать третью, альтернативную модель управления ИИ, основанную не на унификации, а на принципе «пересекающегося консенсуса». Через призму политической онтологии и сравнительного анализа национальных стратегий продемонстрировано, как императив цифрового суверенитета и противодействия технологической гегемонии преодолевает изначальную регуляторную гетерогенность участников. Методология, включающая дискурс-анализ ключевых документов БРИКС и кейс-стади, позволяет выявить формирующиеся контуры уникального гибридного режима «мягкого права». Эмпирическую базу исследования составляет частотный и контекстный анализ ключевых концептов («суверенитет», «инклюзивность», «справедливость») в декларациях саммитов БРИКС за 2020–2025 гг. Данные позволяют зафиксировать эволюцию концептуального аппарата БРИКС: от политического дискурса суверенитета в 2020 г. к его цифровизации и интеграции в технологическую повестку к 2025 г. Рост упоминаемости терминов, связанных с технологической автономией и цифровой безопасностью, подтверждает смещение приоритетов. Установлено, что модель «пересекающегося консенсуса» позволяет государствам с разноплановыми политико-экономическими системами и уровнями технологического развития сохранять суверенитет в сфере регулирования ИИ, преодолевать гетерогенность без жесткой унификации и формировать гибкие механизмы координации. Кооперация в рамках БРИКС нацелена не на создание наднационального органа, а на гармонизацию принципов для продвижения совместных позиций на международных площадках. Расширение объединения повышает репрезентативность модели для стран Глобального Юга, но одновременно усложняет выработку единых стандартов из-за разнообразия национальных интересов. Доминирование инструментов «мягкого права» и гибких «коалиций желающих» обеспечивает участникам пространство для маневра в условиях технологической конкуренции. Практическая значимость исследования заключается в разработке механизмов институционализации модели: создании цифровой платформы для гармонизации стандартов, внедрении механизма ускоренного признания сертификации и запуске совместной программы по развитию больших языковых моделей.

© Агоннуде Б.В.Ф., Глебов В.А., Маслов А.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: регулирование ИИ, цифровой суверенитет, пересекающийся консенсус, мягкое право, глобальное управление

Вклад авторов. Агоннуде Б.В.Ф.: концептуализация, анализ и систематизация информации, проведение исследования, подготовка рукописи. Глебов В.А.: сбор и обработка данных, научное руководство исследованием. Маслов А.А.: сбор и обработка данных, научное руководство исследованием. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Агоннуде Б. В. Ф., Глебов В. А., Маслов А. А. Политико-правовые аспекты сотрудничества стран БРИКС в сфере искусственного интеллекта: к формированию альтернативного регуляторного подхода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 2. С. 286–311. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-286-311>; EDN: GXVEKS

Political and Legal Aspects of BRICS Cooperation in the Field of Artificial Intelligence: Towards the Development of an Alternative Regulatory Approach

Bidoley V.F. Agonnoude¹ , Victor A. Glebov¹ , Alexey A. Maslov²

¹ RUDN University, Moscow, Russian Federation

² Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 freddyagonnoude@mail.ru

Abstract. Global artificial intelligence (AI) governance is currently framed as a bipolar confrontation between the ‘Brussels’ and ‘California’ approaches. The article argues that the BRICS countries are attempting to craft a third path—an alternative model of AI governance rooted not in unification, but in an ‘overlapping consensus.’ Drawing on political ontology and a comparative analysis of national strategies, the authors demonstrate how the twin imperatives of digital sovereignty and resistance to technological hegemony can bridge the initial regulatory diversity among member states. The methodology combines discourse analysis of key BRICS documents with a case study approach, revealing the emerging architecture of a hybrid ‘soft law’ regime. Empirically, the study draws on frequency and contextual analysis of three core concepts—‘sovereignty,’ ‘inclusiveness,’ and ‘fairness’—across BRICS summit declarations from 2020 to 2025. The findings indicate a clear conceptual shift: from a predominantly political discourse on sovereignty in 2020, to its progressive digitalization and embedding within the technological agenda by 2025. The rising salience of terms tied to technological autonomy and digital security underscores this shift. The ‘overlapping consensus’ model proves workable for states with different politico-economic systems and technological capabilities. It enables them to maintain regulatory sovereignty, manage heterogeneity without resorting to rigid harmonization, and establish flexible coordination frameworks. BRICS cooperation is oriented less toward creating a supranational regulator than toward aligning principles for joint action in international fora. Enlargement enhances the group’s representational appeal for the Global South, but it also complicates standard-setting amid a growing diversity of national interests. The prevalence of ‘soft law’ and flexible ‘coalitions of the willing’ gives members the room to maneuver in the era of intense technological rivalry. On the practical side, the study offers several actionable recommendations: a digital platform for standard alignment, a mechanism for expedited mutual recognition of certification, and a joint large language model program tailored to the Global South’s linguistic and cultural diversity.

Key words: BRICS, artificial intelligence, AI regulation, digital sovereignty, overlapping consensus, soft law, global governance

Authors’ contributions. B.V.F. Agonnoude: conceptualization, analysis and systematization of information, preparing the manuscript. V.A. Glebov: data collection and processing, scientific supervision of the study. A.A. Maslov: data collection and processing, scientific supervision of the study. All authors have read the final version of the article and approved it.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Agonnoude, B. V. F., Glebov, V. A. & Maslov, A. A. (2026). Political and legal aspects of BRICS cooperation in the field of artificial intelligence: Towards the development of an alternative regulatory approach. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(2), 286–311. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-286-311>; EDN: GXVEKS

Введение

Современный дискурс глобального управления искусственным интеллектом оказался заложником бинарной оппозиции. С одной стороны, риск-ориентированный подход (Кунин, Упорова, 2019, с. 59) Европейского союза с его ИИ-Актом (Белов, 2024) утверждает этатистскую модель регулирования через жесткие нормативные рамки, с другой — существует либеральная модель, ассоциируемая с США, где доминируют отраслевые стандарты и корпоративное саморегулирование (Нусратуллин, 2007, с. 54). В качестве примеров в литературе можно привести «эффект Калифорнии» и «эффект Брюсселя», демонстрирующие, как политика, принятая в ЕС и калифорнийской «Силиконовой долине», влияет на другие юрисдикции (Bocken, Coffay & Dalhammar, 2025). Однако нарастающая напряженность в сфере технологического суверенитета и данные как новый ресурс геополитического влияния обнажили ограничения обеих моделей для большей части незападного мира.

В этом контексте страны БРИКС оказываются не просто сторонними наблюдателями, но активными участниками процесса архитектуры глобальных технологических порядков. При этом их кооперация в сфере искусственного интеллекта (ИИ) представляет собой уникальный политико-правовой феномен: это и не попытка создать очередной наднациональный регуляторный орган, и вместе с тем не стремление к чисто конкурентной, фрагментированной экосистеме. Данное исследование исходит из гипотезы, что объединение БРИКС предпринимает попытку сформировать альтернативную регуляторную модель, основанную на принципе «пересекающегося консенсуса» (*overlapping consensus*), где общие цели достигаются не через унификацию, а через гармонию разнородных национальных подходов.

Целью исследования является выявление и анализ политических детерминант и формирующихся правовых контуров этой возникающей модели сотрудничества. В рамках достижения данной цели решаются следующие задачи:

- провести сравнительный анализ национальных стратегий и регуляторных подходов к ИИ стран — участниц БРИКС;
- выявить общие политические мотивы и зоны потенциальных конфликтов стран-участниц в сфере ИИ;
- проанализировать эволюцию форматов кооперации в рамках БРИКС от дискуссий к конкретным инициативам;
- смоделировать потенциальные траектории развития правового режима сотрудничества.

Научная новизна исследования заключается в применении концепта «пересекающегося консенсуса» к анализу регуляторных процессов в БРИКС, что позволяет преодолеть методологическую ловушку анализа альянса как монолитного образования.

Методология исследования

Для реализации поставленных задач исследование опирается на комплекс взаимодополняющих методов, сочетающих инструментарий политических наук и юриспруденции. *Дискурс-анализ* документов БРИКС проводился по таким параметрам, как частота и контекст употребления ключевых концептов («суверенитет», «инклюзивность», «справедливость») в итоговых декларациях саммитов БРИКС за 2020–2025 гг. с целью проследить эволюцию формулировок от общих принципов к конкретным обязательствам. Метод *кейс-стади* был применен для анализа российско-китайского сотрудничества в сфере ИИ. Также был осуществлен *сравнительно-правовой анализ* национальных стратегий развития и регулирования ИИ в Бразилии, России, Индии, Китайской Народной Республике (КНР) и Южно-Африканской Республике (ЮАР).

Под «пересекающимся консенсусом» (*overlapping consensus*) в исследовании понимается согласие по общим принципам, достигаемое благодаря тому, что каждый участник вкладывает в них свое, совместимое с его интересами содержание (Rawls, 1987).

«Цифровой суверенитет» — это способность государства сохранять контроль над критическими цифровыми активами и технологиями.

«Мягкое право» (*soft law*) подразумевает под собой нормативные инструменты (декларации, меморандумы, этические кодексы), не имеющие обязательной юридической силы (Trubek & Trubek, 2005).

Предлагаемый авторами на страницах этого исследования комплексный подход позволяет адекватно оценить специфику формирующейся модели регулирования, которая действует в основном в поле «мягкого права» (Кудряшов, 2013) — через этические кодексы, общие принципы и совместные заявления, а не через жесткие обязательные нормы.

Обзор литературы

В условиях современных геополитических вызовов исследование роли БРИКС в трансформации международной архитектуры приобретает особую актуальность. Данное исследование формируется на стыке нескольких активно развивающихся академических полей: изучения БРИКС как института международного сотрудничества, исследований глобального управления ИИ и сравнительного анализа цифровых политик.

Значительный пласт литературы посвящен анализу БРИКС как феномена международных отношений (Wang & Long, 2024; Денисова, 2022; Глебов, Агоннуде, 2023; Купер, 2022). Эти работы затрагивают этапы становления и факторы объединения стран-участниц. Как отмечает Д.Э. Денисова, в основе БРИКС лежит союз равноправных и независимых стран, которые не только активно участвуют в процессах глобальной интеграции, но и совместно противостоят современным угрозам, выстраивая при этом взаимовыгодные отношения как с традиционными партнерами, так и с западными странами (Денисова, 2022, с. 40).

Второй блок литературы касается становления глобального режима регулирования ИИ. Доминирующий нарратив, блестяще раскрытый в работе А. Бадфорд «Эффект Брюсселя», описывает противостояние двух моделей: принципа предосторожности ЕС, основанного на жестком регулировании рисков, и либеральной, рыночно-ориентированной модели США

(Bradford, 2020). Роль Китая в этой системе часто сводится к «техно-авторитарной» альтернативе, что подробно исследуется в ряде статей китайских авторов (Zeng, 2020; Wu, Huang & Gong, 2020). Такой трехполюсный взгляд (ЕС — США — Китай) фактически исключает других игроков из числа нормотворцев, оставляя им роль ведомых. Однако в последние годы набирает силу критическое направление, представленное в работах Х. Робертса (Roberts et al., 2022), которое указывает на необходимость учета голосов и подходов стран Глобального Юга в этом вопросе. Параллельно с этим активно развиваются исследования по узкоспециализированным юридическим аспектам регулирования ИИ, в частности — вопросам ответственности за действия автономных систем (Duffy, 2023). В российской литературе также существуют работы по глобальному управлению ИИ (Наливкина, 2025; Белов, 2024; Васильев, 2023; Выходец, 2022). Таким образом, в литературе по глобальному управлению ИИ существует явная лакуна, связанная с анализом БРИКС как коллективного актора, способного предложить нормативную альтернативу.

Третий блок исследований состоит из работ, анализирующих политику отдельных стран — участниц БРИКС в области ИИ. Российский подход, сфокусированный на «цифровом суверенитете» и импортозамещении, детально изучен в ряде работ (Карев, Чертыковцев, 2025; Болгов, 2024; Журков, 2023). Китайская модель этатистского контроля и поддержки национальных «чемпионов» проанализирована в трудах китайских исследователей (Cheng & Zeng, 2023; Wu, Huang & Gong, 2020). Подход Индии “*AI for All*” рассмотрен в работах А. Шаджи Джордж (Shaji George, 2024), К. Рой (Roy et al., 2024), а бразильские и южноафриканские этические инициативы — в исследованиях Г. де Соузы¹ и Э. Ормонда (Ormond, 2023) соответственно. Эти исследования являются ценным эмпирическим мате-

¹ De Souza G. Artificial Intelligence in the Office and the Factory: Evidence From Administrative Software Registry Data // Federal Reserve Bank of Chicago Working Paper. 2026 (January). No. 2025-11 (Revised). URL: <https://doi.org/10.21033/wp-2025-11> (accessed: 12.02.2026).

риалом, однако они носят изолированный, страновой характер. Сравнительных работ, которые бы системно сопоставляли эти подходы, выявляя точки соприкосновения и системные противоречия, практически нет. Вопрос о том, как эти разнородные национальные стратегии могут быть согласованы в рамках единой многосторонней рамки, в литературе пока не ставился.

Наконец, существует теоретическая литература, предлагающая инструментарий для анализа сложных режимов управления. Концепция «пересекающегося консенсуса» Дж. Ролза (Rawls, 1987), применяемая к международным отношениям, позволяет анализировать кооперацию акторов с различными ценностными системами. Теория «мягкого права», разработанная в трудах Д. Трубека (Trubek & Trubek, 2005) и Г. Шеффера (Shaffer & Pollack, 2010), предоставляет адекватный инструментарий для понимания регуляторных процессов в условиях институциональной слабости и разнородности интересов. Однако применение этого теоретического аппарата конкретно к сотрудничеству БРИКС в сфере ИИ является новаторским.

Таким образом, проведенный обзор литературы позволяет выявить следующие лакуны:

- отсутствие исследований, посвященных именно сотрудничеству в сфере ИИ как ключевому элементу технологической повестки БРИКС;
- преобладание биполярной или триполярной парадигмы в исследованиях глобального управления ИИ, игнорирующей потенциал БРИКС как нормативного актора;
- недостаток сравнительных работ, синтезирующих анализ национальных стратегий стран-участниц для выявления основ для многосторонней кооперации;
- отсутствие применения теоретической рамки «пересекающегося консенсуса» и «мягкого права» к данному случаю.

Вклад данного исследования заключается в преодолении этих лакун через комплексный анализ политико-правовых аспектов сотрудничества БРИКС в сфере ИИ. Предлагается теоретическая рамка, позволяющая анализировать БРИКС не как монолит, а как платформу для

формирования гибридного регуляторного режима, основанного на гармонизации разнородных национальных подходов для достижения общих стратегических целей на глобальной арене.

Теоретические основы исследования искусственного интеллекта как объекта международного сотрудничества

В современном научном дискурсе ИИ перестал быть сугубо техническим термином, описывающим набор алгоритмов и вычислительных мощностей. Он трансформировался в сложный социально-политический конструкт, определяющий новую парадигму глобального развития. Сущность ИИ в XXI в. двойственна: с одной стороны, это инструмент оптимизации процессов и генерации инноваций (*“weak AI”*, или слабый ИИ, ориентированный на решение узкоспециализированных задач), а с другой — потенциальный агент фундаментальных изменений в структуре общества, экономики и международных отношений (*“strong AI”*, или сильный ИИ — гипотетическая система, превосходящая человеческий интеллект) (Borg, Natale & Katzenbach, 2024). Эта двойственность предопределяет его политическое значение. Если изначально разработка ИИ была сосредоточена в корпоративной среде технологических гигантов, то сегодня она стала приоритетом национальных стратегий. ИИ превратился в «технология двойного назначения» (*dual-use technology*), преодолев границы между гражданскими и военными применениями (Vaunman & Volpe, 2023). Его развитие напрямую коррелирует с такими концептами, как «цифровой суверенитет», «технологическая автаркия» и «информационная безопасность», что делает его ключевым элементом национальной мощи и конкурентного преимущества на мировой арене.

Классификация технологий ИИ может быть проведена по различным основаниям: по уровню автономности (от систем поддержки принятия решений до полностью автономных систем), по типу решаемых задач (компьютерное зрение, обработка естественного языка, предиктивная аналитика и т. д.), по степени воз-

действия на социум (Кукшев, 2020) и т. д. С политико-экономической точки зрения наиболее релевантной является классификация, основанная на доступе к критическим ресурсам:

1) данные как сырье: технологии, требующие массивных объемов данных (*Big Data*) для обучения моделей. Это порождает политику «дата-национализма» или «цифрового национализма» (Горян, 2022) и регулирование трансграничных потоков данных (*data localization*);

2) вычислительные мощности как инфраструктура: высокопроизводительные вычисления (*high-performance computing*, HPC) и квантовые компьютеры как основа для сложных моделей. Это стимулирует гонку за суперкомпьютерным превосходством и инвестиции в соответствующую инфраструктуру;

3) таланты и знания как капитал: борьба за высококвалифицированных специалистов ведет к адаптации миграционной и образовательной политики государств;

4) алгоритмы как инструмент власти: способность алгоритмов влиять на общественное мнение, распределять ресурсы и принимать автоматизированные решения концентрирует значительную власть в руках их разработчиков и регуляторов.

Из этого следует, что каждый из этих уровней становится ареной для политической конкуренции и кооперации, определяя траекторию развития стран и межгосударственных блоков, таких как БРИКС.

В настоящее время мировое сообщество находится на начальной стадии формирования международно-правового режима для регулирования ИИ. Этот процесс характеризуется острой конкуренцией между различными регуляторными подходами: от жесткого, предупредительного регулирования, ориентированного на права человека (модель ЕС, закрепленная в «Акте об искусственном интеллекте», *EU AI Act*)², до более либеральных, инновационно-ориентированных моделей (подходы США и Китая). На наш взгляд, ключевыми принци-

пами, вокруг которых формируется глобальный дискурс относительно ИИ, являются:

– прозрачность и объяснимость (требование к алгоритмам быть понятными для человека);

– справедливость и отсутствие дискриминации (недопущение усиления (смещений) и дискриминации алгоритмами);

– подотчетность и ответственность (определение субъекта ответственности за действия автономных систем);

– конфиденциальность и безопасность (защита персональных данных и устойчивость систем к кибератакам).

Перечисленные принципы охватывают основные проблемные аспекты применения ИИ в современных условиях. При этом определение субъекта ответственности за действия автономных систем является первоочередной задачей во всех сферах жизнедеятельности, включая финансовую сферу. Например, обсуждая перспективы цифровизации экономики на пленарном заседании 10-го Восточного экономического форума, президент РФ В.В. Путин затронул тему потенциального использования ИИ-технологий при определении одного из важнейших экономических показателей — ключевой ставки, отметив перспективность интеграции искусственного интеллекта в процесс принятия решений даже такой критически важной структуры, как Центральный банк. При этом президент акцентировал внимание на том, что финальный выбор остается прерогативой человека, который должен отвечать за принятые решения³.

Как справедливо отмечает Э.Ф. Купер, «БРИКС является прежде всего явным свидетельством кардинальных, пусть и неравномерных, изменений в глобальной системе в XXI веке» (Купер, 2022, с. 44). Процесс становления международных регулятивных механизмов демонстрирует многоуровневую структуру, охватывая глобальную, региональную и двустороннюю плоскости взаимодействия (Васильев, 2023, с. 75). Отсутствие универсальной

² Закон об искусственном интеллекте в ЕС: как он будет работать // Актуальные комментарии. 10.06.2022. URL: <https://actualcomment.ru/zakon-es-ob-ii-ogranichennyy-effekt-bryusselya-2206101541.html> (дата обращения: 25.09.2025).

³ Стеклова Е. Путин высказался о возможности передать ИИ определение ключевой ставки // Комсомольская правда. 05.09.2025. URL: <https://www.kp.ru/online/news/6555753/> (дата обращения: 23.09.2025).

международной конвенции по ИИ компенсируется «размножающимися» инициативами на уровне «мягкого права» (Подольский, Ольшанский, 2025). Здесь можно отметить рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), «Большой двадцатки» (G20), а также отраслевые стандарты IEEE⁴ и др. Это создает сложную, фрагментированную регуляторную мозаику, в которой страны БРИКС вынуждены маневрировать, стремясь, с одной стороны, не оказаться на периферии формирующихся стандартов, а с другой — отстоять собственную модель цифрового развития и суверенитета.

Ключевым событием 2025 г. стало обсуждение глобального регулирования ИИ на саммите G20 в Йоханнесбурге (ЮАР). Премьер-министр Индии Н. Моди призвал к формированию «глобального договора по ИИ»⁵ (*Global AI Compact*), основанного на принципах прозрачности, человеческого контроля и безопасности на этапе проектирования⁶. Эта инициатива, поддержанная рядом стран Глобального Юга, отражает запрос на институционализацию «мягкого права» на глобальном уровне. В развитие этой повестки в феврале 2026 г. в Нью-Дели состоялся Саммит по влиянию ИИ (*India AI Impact Summit 2026*), что демонстрирует консолидацию усилий ряда стран по выработке универсальных принципов управления ИИ⁷.

⁴ IEEE (*Institute of Electrical and Electronics Engineers*) — Институт инженеров электротехники и электроники.

⁵ Modi, Altman, Pichai, Hassabis: Key takeaways from India AI Impact Summit 2026 // *The Economic Times*. February 20, 2026. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/ai/ai-insights/modi-altman-pichai-hassabis-key-takeaways-from-india-ai-impact-summit-2026/videoshow/128589745.cms?from=mdr> (accessed: 18.05.2026).

⁶ Modi Calls for Global AI Compact and Human-Centred Tech at G20 // *Outlook India*. November 23, 2025. URL: <https://www.outlookindia.com/international/modi-calls-for-global-ai-compact-and-human-centred-tech-at-g20> (accessed: 24.02.2026).

⁷ Amitabh Kant Warns AI Risks Inequality Without DPI, Urges 3 Pillars // *Asiaret News*. February 17, 2026. URL: <https://newsable.asianetnews.com/world/amitabh-kant-warns-ai-risks-inequality-without-dpi-urges-3-pillars-articleshow-bhy9y05> (accessed: 24.02.2026).

В практической плоскости ключевым игроком остается Институт инженеров электротехники и электроники (IEEE). В январе 2026 г. *IEEE Standards Association* запустила программу сертификации *IEEE CertifAIEd*, предлагающую два типа сертификации: для специалистов (профессиональная сертификация в области этического ИИ) и для продуктов (подтверждение соответствия продуктов стандартам прозрачности, подотчетности и недискриминации)⁸. Эта инициатива создает механизм верификации соответствия принципам «мягкого права», что особенно значимо для стран БРИКС, стремящихся к формированию собственных стандартов без прямого заимствования западных моделей. Таким образом, стандартизация становится гибким регуляторным инструментом, позволяющим балансировать между инновациями и безопасностью.

Теоретическая рамка данного исследования предполагает рассмотрение политики стран БРИКС в сфере ИИ через призму их борьбы за технологический суверенитет, адаптации к фрагментированному глобальному регуляторному ландшафту и попыток сформировать альтернативные центры влияния в сфере нормотворчества для технологий будущего.

Текущее состояние сотрудничества стран БРИКС в сфере ИИ

Фаза становления (2009–2015): от экономической кооперации к технологической повестке

Исторически технологическое сотрудничество в БРИКС формировалось как производное от экономических и финансовых инициатив. Как отмечает А.В. Шелепов, создание БРИКС с самого начала было сопряжено с задачей повышения роли государств с формирующимися рынками в международной валютно-финансовой системе, что делало финансовую стабилизацию одним из ключевых приоритетов объ-

⁸ Pretz K. Two New AI Ethics Certifications Available from IEEE: CertifAIEd Offers Training on How to Evaluate AI Products // *IEEE Spectrum*. December 10, 2025. URL: <https://spectrum.ieee.org/two-new-ai-ethics-certifications> (accessed: 24.02.2026).

единения (Шелепов, 2025, с. 159). Уже на саммите в Дели в 2012 г. была принята Декларация, содержащая отдельный раздел о научно-техническом сотрудничестве, где впервые упоминалась необходимость совместных исследований в области высоких технологий. В п. 43 делийской Декларации страны БРИКС заявили о поддержке «процесса сотрудничества как по приоритетным направлениям (продовольствие, фармацевтика, здравоохранение, энергетика), так и в сфере фундаментальных исследований в новых междисциплинарных областях (нанотехнологии, биотехнологии, перспективные материалы и т. д.)»⁹.

Переломным моментом стал саммит в Уфе (2015 г.), где была утверждена Стратегия экономического партнерства БРИКС, включившая отдельный блок по инновациям и цифровой экономике. В 2015 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в области науки, технологий и инноваций¹⁰. К этому времени в рамках БРИКС произошел концептуальный переход от исключительно экономической кооперации к осознанию технологического суверенитета как ключевого элемента многополярной архитектуры мира (Потапцева, Акбердина, 2023).

Фаза институционализации (2016–2023): создание профильных структур

Данный этап характеризуется созданием специализированных институтов сотрудничества и очевидным сдвигом от сугубо экономической повестки к технологической. Были созданы:

- Рабочая группа по экономике и торговле (демонстрирует начало систематизации сотрудничества, вывод его на официальный межправительственный уровень);

- Цифровой форум БРИКС (показывает выделение цифровой/технологической повест-

ки в отдельную, значимую область взаимодействия, выходящую за рамки чисто экономических вопросов);

- Молодежный научно-инновационный форум (свидетельствует о работе на перспективу и понимании необходимости формирования общего кадрового и экспертного потенциала).

Особое значение имело создание Рабочей группы БРИКС по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которая стала первой профильной структурой, непосредственно занимающейся вопросами ИИ. Создание Рабочей группы по ИКТ-безопасности указывает на выход сотрудничества стран — участниц БРИКС на уровень ключевых, чувствительных тем, связанных с суверенитетом и безопасностью, что является высшей формой доверия и институционализации. Формирование концептуального каркаса «цифрового суверенитета БРИКС» (Карев, Чертыковцев, 2025) сопровождалось созданием специализированных институтов, однако их мандаты оставались ограниченными.

Современный этап (2021–2025): ИИ как приоритет сотрудничества

На саммите БРИКС в Нью-Дели (2021) была принята Декларация, содержащая отдельный раздел о сотрудничестве в области искусственного интеллекта. В документе (п. 36) впервые провозглашена необходимость разработки этических принципов ИИ, одобрена инициатива создания сети центров передового опыта в области ИИ, а также подчеркнута важность совместных исследований¹¹.

Важным итогом XIV саммита БРИКС 2022 г. стало принятие Пекинской декларации, в которой особое внимание уделяется проблемам и этическим вызовам, порождаемым развитием искусственного интеллекта. В п. 57 инициировано создание единого механизма взаимодействия между странами-участницами

⁹ Делийская декларация. 29 марта 2012 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1189> (дата обращения: 23.09.2025).

¹⁰ О подписании Меморандума о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций между правительствами России, Бразилии, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики // Правительство России. 14.03.2015. URL: <http://government.ru/docs/17313/> (дата обращения: 23.09.2025).

¹¹ Нью-Делийская декларация XIII саммита БРИКС // Информационный портал БРИКС. URL: https://infobrics.org/files/country/russia/documents/2021/2021_09_09_India_New-Dehli_XIII_Sammit_Declaration_ru.pdf (дата обращения: 23.09.2025).

для преодоления существующих опасений, включая обмен успешными практиками и проведение совместных исследований. Справедливо отмечается, что это позволит выработать консолидированный подход к регулированию ИИ-технологий, направленный на их этичное и ответственное применение¹².

На саммите в Йоханнесбурге (2023) была утверждена Дорожная карта сотрудничества БРИКС в области ИКТ (п. 24), включающая создание рабочей группы по гармонизации стандартов¹³.

В целом к 2023 г. сотрудничество стран БРИКС в сфере ИИ приобрело системный характер с четкими институциональными механизмами и дорожной картой реализации. Таким образом, БРИКС обладает потенциалом для формирования альтернативной платформы технологического сотрудничества. Ключевым элементом ее позиционирования является продвижение модели регулирования, основанной на принципах справедливости, понимаемой как равноправие в глобальном управлении ИИ и недискриминационный доступ к технологиям, и инклюзивности, подразумевающей участие в нормотворчестве широкого круга государств Глобального Юга и негосударственных акторов. Эта концептуальная рамка прямо противопоставляется подходу, при котором стандарты разрабатываются узкой группой технологически развитых стран.

Завершающий этап XVII саммита БРИКС увенчался важным достижением — принятием Декларации Рио-де-Жанейро, а также согласованием принципиального заявления лидеров по вопросам глобального регулирования ИИ¹⁴. В документе указывается, что эффективное развитие цифровой экономики и внедрение передовых технологий, включая искусственный

интеллект, невозможно без создания системы всеобъемлющего и равноправного управления данными, что критически важно для развивающихся стран. Отдельно подчеркивается «ведущая роль ООН в содействии конструктивному диалогу по выработке общего понимания безопасности при использовании ИКТ и обсуждении вопросов разработки универсальной правовой базы в этой сфере, а также в дальнейшей разработке и реализации согласованных общепризнанных норм, правил и принципов ответственного поведения государств при использовании ИКТ»¹⁵.

Несмотря на имеющиеся достижения (сформирована институциональная инфраструктура, запущены совместные исследовательские проекты, согласованы базовые принципы сотрудничества), следует выделить и сохраняющиеся проблемы. В частности, это различный уровень технологического развития стран-участниц, конкурирующие интересы национальных ИИ-экосистем и несовпадение регуляторных подходов. Можно сделать вывод, что основным достижением БРИКС стало создание общей платформы для диалога, позволяющей согласовывать позиции по ключевым вопросам технологического развития. Однако сохраняется разрыв между декларативными документами и реальными механизмами кооперации.

Дискурс-анализ и практика сотрудничества: выявление «пересекающегося консенсуса»

Эволюция концептуального аппарата БРИКС

Анализ деклараций саммитов БРИКС за 2020–2025 гг. позволил выявить последовательную эволюцию концептуального аппарата. Для обеспечения достоверности и проверяемости исследования был проведен частотный

¹² Пекинская декларация XIV саммита БРИКС. 23 июня 2022 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5819> (дата обращения: 23.09.2025).

¹³ Вторая Йоханнесбургская декларация стран БРИКС. 24 августа 2023 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72103> (дата обращения: 23.09.2025).

¹⁴ Декларация БРИКС — ИИ и ИБ // Digital Russia. 08.07.2025. URL: <https://d-russia.ru/deklaracija-briks-ii-i-ib.html> (дата обращения: 23.09.2025).

¹⁵ Декларация Рио-де-Жанейро «Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления». Рио-де-Жанейро, Бразилия 6 июля 2025 года // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3Huu17EBmqrc.pdf> (дата обращения: 23.09.2025).

анализ ключевых концептов в корпусе официальных документов, включающем итоговые декларации саммитов в Москве (2020), Нью-Дели (2021), Пекине (2022), Йоханнесбурге (2023), Казани (2024) и Рио-де-Жанейро (2025). Обработка текстов осуществлялась вручную с выборочной проверкой межкодировочной надежности. Были выде-

лены следующие ключевые лексемы и их производные: «суверенитет», «инклюзивность» и «справедливость».

Учитывалось прямое употребление указанных лексем и их производных в общем и непосредственном контексте обсуждения искусственного интеллекта, цифровой экономики и технологического сотрудничества (табл. 1).

Таблица 1. Эволюция ключевых концептов в документах БРИКС в 2020–2025 гг.

Год	Ключевой концепт	Упоминания в целевом контексте (ИИ, цифровая экономика, технологии)	Упоминания в общем контексте (весь документ)	Ключевые смысловые акценты
2020 (Москва)	Суверенитет	0	10 (п. 3, 5, 6, 23, 26, 29, 33, 34, 52, 67)	Фундаментальный принцип: акцент на суверенном равенстве (п. 5), территориальной целостности (п. 5, п. 23), невмешательстве (п. 5). Поддержка суверенитета Сирии (п. 23), Ливии (п. 34), Ирака (п. 26)
	Инклюзивность	1 (п. 66 — стимулирование инклюзивного экономического роста)	11 (п. 5, 6, 26, 27, 29, 34, 47, 53, 66, 76, 90)	Качество систем и процессов: инклюзивная международная система (п. 5), реформа ООН для большей инклюзивности (п. 6), инклюзивный переговорный процесс (п. 27, 34), инклюзивный экономический рост (п. 47, 66)
	Справедливость	0	5 (п. 5, 12, 23, 24, 83)	Этический императив: справедливая международная система (п. 5), справедливый доступ к вакцинам (п. 12), справедливое урегулирование конфликтов (п. 24), справедливое распределение благ от генетических ресурсов (п. 83)
2021 (Нью-Дели)	Суверенитет	1 (п. 27 — обеспечение безопасности государств и защиты их интересов (контекст ИКТ))	4 (п. 2, 14, 22, 27)	Краеугольный камень: суверенное равенство и территориальная целостность как основа международной системы (п. 2), невмешательство (п. 22), защита суверенитета в киберпространстве (п. 27)
	Инклюзивность	2 (п. 36 — устойчивое и инклюзивное восстановление; п. 48 — формирование более устойчивого и инклюзивного туристического сектора)	9 (п. 2, 14, 18, 23, 36, 42, 43, 48, 51)	Сквозной принцип: инклюзивная международная система (п. 2), инклюзивное внутри-афганское урегулирование (п. 23), инклюзивные рынки труда (п. 43), инклюзивный экономический рост (п. 51)
	Справедливость	1 (п. 36 — обеспечение справедливого и всеобъемлющего доступа к цифровым ресурсам)	3 (п. 14, 36, 49)	Фокус на равенстве: справедливый доступ к цифровым ресурсам (п. 36), справедливый доступ к глобальным общественным благам (п. 14), справедливое и равное обращение с правами человека (п. 49)
2022 (Пекин)	Суверенитет	0	5 (п. 5, 6, 21, 23, 53)	Краеугольный камень и защита от вмешательства: уважение суверенитета и территориальной целостности (п. 5, 21), особый акцент на суверенитете Афганистана (п. 23). Также упоминается в контексте национально определяемых вкладов по климату (п. 53)
	Инклюзивность	2 (п. 38 — инклюзивное восстановление, инклюзивное развитие; п. 57 — маргинализованные и уязвимые группы населения)	14 (п. 2, 4, 5, 6, 10, 11, 23, 37, 38, 44, 63, 64, 67, 72)	Сквозной принцип для систем и восстановления: инклюзивность как дух БРИКС (п. 2), качество глобального управления (п. 5, 6), торговой системы (п. 11), политической структуры Афганистана (п. 23), ключевая характеристика постпандемического восстановления (п. 38)

Продолжение табл. 1

Год	Ключевой концепт	Упоминания в целевом контексте (ИИ, цифровая экономика, технологии)	Упоминания в общем контексте (весь документ)	Ключевые смысловые акценты
	Справедливость	2 (п. 6 — справедливый доступ к глобальным общественным благам; п. 57 — справедливое и равное отношение ко всем правам человека)	6 (п. 5, 6, 9, 14, 51, 57)	Принцип доступа и равенства: справедливый доступ к глобальным благам (п. 6) и вакцинам (п. 14), справедливое отношение к правам человека (п. 9, 57), основа международных отношений (дух справедливости, п. 5)
2023 (Йоханнесбург)	Суверенитет	0	6 (п. 2, 3, 5, 16, 17, 21)	Фундаментальный принцип: суверенное равенство (п. 5), поддержка суверенитета Ливии (п. 16), Йемена и Сирии (п. 17)
	Инклюзивность	3 (п.33 — цифровая экономика; п. 36 — «в целях инклюзивной и устойчивой индустриализации»; п. 31 —инклюзивное восстановление экономики)	14 (п. 1, 2, 3, 8, 17, 31, 33, 36, 38, 39, 44, 78, 86, 90)	Качество систем и процессов: инклюзивная многосторонность (п. 2, 3), инклюзивный рост (п. 2), инклюзивная торговая система (п. 8), инклюзивные переговоры (п. 17), инклюзивные платежные системы (п. 44)
	Справедливость	0	14 (п. 2, 3, 6, 8, 9, 29, 38, 41, 53, 57, 63, 70, 74, 76)	Качество систем и процессов: справедливый международный порядок (п. 2), справедливая торговая система (п. 8), справедливое распределение бремени (п. 29), справедливый переход к низкоуглеродной экономике (п. 57), справедливые стандарты (п. 63)
2024 (Казань)	Суверенитет	1 (п. 54 — суверенитет в сфере ИКТ)	9 (п. 3, 6, 30, 31, 34, 47, 54, 56, 92)	Фундаментальный принцип: суверенное равенство (п. 3), уважение суверенитета (п. 6, 31, 34), суверенитет в киберпространстве (п. 54), территориальная целостность (п. 31, 34)
	Инклюзивность	4 (п. 71 — управление данными; п. 77 — цифровая экономика; п. 80 — энергопереход; п. 103 — налоговая система)	18 (п. 3, 6, 9, 11, 12, 13, 14, 64, 65, 71, 77, 80, 87, 103, 108, 118, 122, 130)	Качество систем и процессов: инклюзивный рост (п. 3), инклюзивная многосторонность (п. 6), инклюзивная торговая система (п. 9), инклюзивное восстановление (п. 64), инклюзивные платежные системы (п. 65), инклюзивное предпринимательство (п. 130)
	Справедливость	2 (п. 71 — управление данными; п. 80 — энергопереход)	21 (п. 1, 3, 6, 9, 11, 15, 17, 21, 59, 60, 62, 71, 73, 80, 81, 82, 84, 87, 103, 108, 117)	Качество систем и процессов: справедливый миропорядок (п. 1, 3), справедливая торговая система (п. 9), справедливое распределение бремени (п. 60), справедливый энергопереход (п. 80, 81), справедливая налоговая система (п. 103)
2025 (Рио-де-Жанейро)	Суверенитет	2 (п. 16 — уважение суверенитета государств в контексте глобального управления ИИ; п. 62 — технический охват космических телекоммуникационных систем не должен выходить за рамки государственного суверенитета)	13 (п. 2, 5, 16, 27, 28, 29, 31, 59, 62, 66, 92, 101, 124)	Фундаментальный и неделимый принцип: пронизывает все сферы — от политики (суверенное равенство государств-членов, п. 2) до цифрового пространства (п. 59) и экономики (национальный суверенитет над данными, п. 66). Жестко увязывается с территориальной целостностью (п. 29, 31, 101) и правом государства контролировать деятельность на своей территории (п. 62)

Окончание табл. 1

Год	Ключевой концепт	Упоминания в целевом контексте (ИИ, цифровая экономика, технологии)	Упоминания в общем контексте (весь документ)	Ключевые смысловые акценты
	Инклюзивность	3 (п. 16 — глобальное управление ИИ должно учитывать потребности всех стран, обеспечивая инклюзивное международное сотрудничество; п. 40 — приверженность созданию открытой, безопасной и инклюзивной среды ИКТ; п. 58 — важность формирования инклюзивной и безопасной среды для развития цифровой экономики)	32 (п. 1, 2, 4, 5, 8, 10, 13, 15, 16, 29, 39, 40, 43, 45, 54, 55, 58, 60, 64, 69, 76, 82, 84, 89, 90, 91, 106, 112, 114, 117, 118, 124)	Сквозной принцип качества всех систем и процессов: описывает характер желаемого международного порядка, экономического роста, финансовых систем и социальной политики. Ключевые контексты: инклюзивное управление (п. 1, 5), инклюзивный рост (п. 2), инклюзивная торговая система (п. 13), инклюзивные рынки труда (п. 114). Традиционная сфера (политика) и новые технологические сферы (ИИ, цифровая экономика) уравниваются в необходимости следования этому принципу
	Справедливость	1 (п. 121 — необходимость обеспечения справедливых возможностей для развития женщин в устойчивой и цифровой экономике)	37 (п. 2, 5, 8, 10, 13, 15, 16, 26, 27, 45, 62, 65, 69, 71, 76, 77, 81, 83, 84, 89, 90, 91, 92, 93, 98, 100, 101, 103, 104, 106, 107, 111, 114, 119, 120, 121, 122)	Основополагающий принцип для критики текущего миропорядка и формулирования видения будущего: акцент на восстановлении справедливости: в представительстве (п. 5, 10), торговле (п. 13), доступе к ресурсам и благам (здравоохранение — п. 15, финансы — п. 83, генетические ресурсы — п. 93), урегулировании конфликтов (п. 27). Требование справедливой глобализации и международной налоговой системы (п. 76)

Источник: составлено Б.В.Ф. Агоннуде, В.А. Глебовым и А.А. Масловым на основе контент-анализа деклараций саммитов БРИКС: Московская декларация XII саммита БРИКС. 17 ноября 2020 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5581> (дата обращения: 23.09.2025); Нью-Делийская декларация XIII саммита БРИКС. 9 сентября 2021 года // Информационный портал БРИКС. URL: https://infobrics.org/files/country/russia/documents/2021/2021_09_09_India_New-Dehli_XIII_Sammit_Declaration_ru.pdf (дата обращения: 23.09.2025); Пекинская декларация XIV саммита БРИКС. 23 июня 2022 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5819> (дата обращения: 23.09.2025); Вторая Йоханнесбургская декларация стран БРИКС. 24 августа 2023 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72103> (дата обращения: 23.09.2025); XVI Саммит БРИКС, Казанская декларация. 23 октября 2024 года // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCamF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 23.09.2025); Декларация Рио-де-Жанейро Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления Рио-де-Жанейро, Бразилия 6 июля 2025 года // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3Huul7EBmqrC.pdf> (дата обращения: 23.09.2025).

Итак, в 2020 г. риторика БРИКС продемонстрировала четкий разрыв между общими политико-правовыми принципами (где безраздельно господствовал суверенитет) и конкретной технологической повесткой. Инклюзивность и справедливость уже присутствовали в лексиконе, но еще не были переосмыслены и операционализированы применительно к вызовам цифровой эпохи, таким как кибербезопасность, цифровой разрыв или регулирование ИИ. Этот год можно охарактеризовать как этап, когда технологическое сотрудничество обсуждалось скорее в практическом, а не в ценностно-ориентированном ключе.

В 2021 г. под председательством Индии дискурс БРИКС продемонстрировал четкую тенденцию к более тесной увязке ключевых политических принципов (суверенитет, инклюзивность, справедливость) с актуальной повесткой цифровой трансформации и технологического развития. Это свидетельствует о растущей глубине интеграции этих концептов в практические области сотрудничества.

Анализ документа 2022 г. показывает последовательный сдвиг в риторике БРИКС от акцента на защиту суверенитета (оборонительная/реактивная позиция) к продвижению инклюзивности и справедливости как принци-

пов построения альтернативного миропорядка и обеспечения доступа к благам глобализации (проактивная/конструктивная позиция).

В 2023 г. БРИКС демонстрирует сдвиг от классической политической риторики суверенитета к более прагматичной и многоуровневой повестке, где инклюзивность и справедливость становятся центральными элементами глобального управления, экономического сотрудничества и устойчивого развития.

В 2024 г. страны БРИКС углубили и конкретизировали ключевые принципы объединения: суверенитет был адаптирован к цифровой эпохе, инклюзивность стала сквозным принципом в экономической, технологической и климатической повестке. Справедливость, в свою очередь, трансформировалась в требование справедливых правил в новых сферах, таких как данные, энергетика, налоги. Это отражает эволюцию БРИКС от деклара-

ции принципов к созданию альтернативной архитектуры глобального управления, основанной на суверенитете, инклюзивности и справедливости.

В 2025 г. отмечена консолидация БРИКС вокруг проекта по созданию параллельной, децентрализованной системы управления, где суверенитет членов защищен, доступ к росту и ресурсам — инклюзивен, а правила основаны на принципах справедливости, а не историческом доминировании. БРИКС переходит от критики архитектуры глобального управления к строительству собственной, альтернативной системы, что подтверждается первым в истории объединения принятием «Заявления лидеров по глобальному управлению искусственным интеллектом».

Для наглядной демонстрации выявленных тенденций данные из табл. 1 были визуализированы в виде линейных графиков (рис. 1–3).

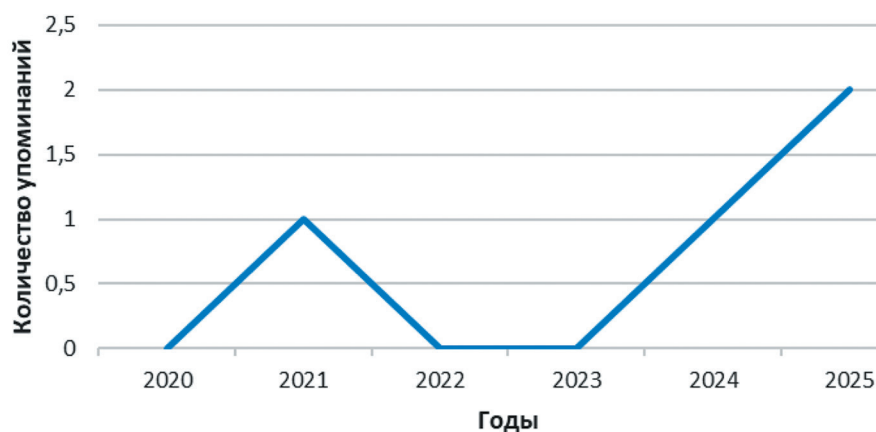

Рис. 1. Динамика упоминаний концепта «суверенитет» в документах БРИКС в 2020–2025 гг.

Источник: составлено Б.В.Ф. Агоннуде, В.А. Глебовым и А.А. Масловым.

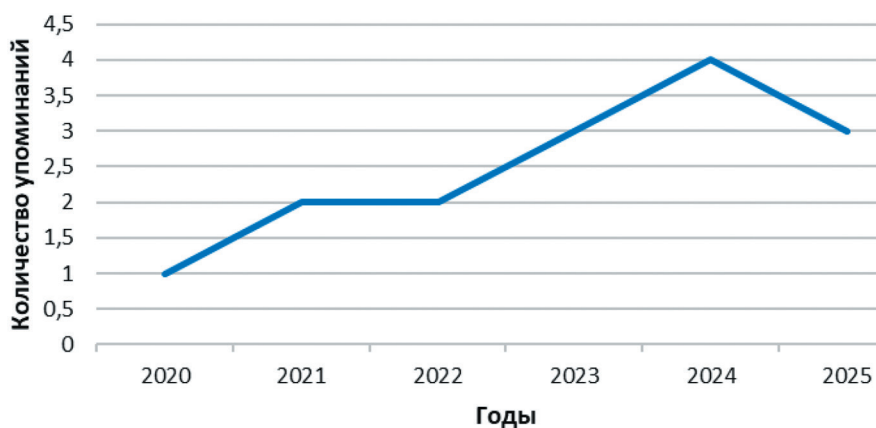

Рис. 2. Динамика упоминаний концепта «инклюзивность» в документах БРИКС в 2020–2025 гг.

Источник: составлено Б.В.Ф. Агоннуде, В.А. Глебовым и А.А. Масловым.

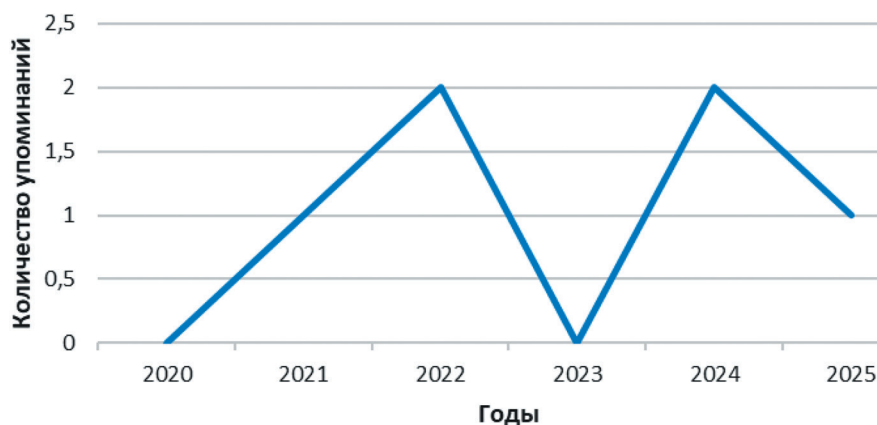

Рис. 3. Динамика упоминаний концепта «справедливость» в документах БРИКС в 2020–2025 гг.

Источник: составлено Б.В.Ф. Агоннуде, В.А. Глебовым и А.А. Масловым.

На рис. 1 отражена динамика упоминаний концепта «суверенитет» в целевых контекстах: единичные появления в 2021 и 2024 гг. (по одному упоминанию) сменяются ростом до двух упоминаний в 2025 г. Отсутствие упоминаний в 2020, 2022 и 2023 гг. указывает на то, что суверенитет долгое время оставался преимущественно политическим концептом. Его включение на технологическую повестку в 2025 г. (пик в два упоминания) подтверждает тезис о «цифровизации» дискурса суверенитета и его адаптации к вопросам регулирования искусственного интеллекта.

На рис. 2 продемонстрирован устойчивый рост упоминаний концепта «инклюзивность» в целевом контексте: с одного — в 2020 г. до двух — в 2021–2022 гг., затем плавное увеличение до трех упоминаний в 2023 г. и четырех упоминаний в 2024 г., что является абсолютным максимумом за исследуемый период. В 2025 г. показатель снижается до трех упоминаний, однако остается на высоком уровне. Такая динамика свидетельствует о превращении инклюзивности из общего принципа в ключевой элемент технологической повестки БРИКС, особенно в период активного обсуждения цифровой трансформации.

На рис. 3 показана нелинейная эволюция концепта «справедливость»: после появления в 2021 г. (одно упоминание) и роста до двух упоминаний в 2022 г. следует полное исчезновение концепта из целевого контекста в 2023 г. Возврат концепта происходит в 2024 г. с выходом на максимум (два упоминания), после чего

в 2025 г. показатель снижается до одного упоминания. Такая «пульсирующая» динамика указывает на нестабильность включения этической лексики в технологический дискурс БРИКС, однако сам факт присутствия концепта в последние два года свидетельствует о формировании запроса на справедливое регулирование ИИ.

Кейс-стади: российско-китайское сотрудничество в сфере ИИ

Создание в сентябре 2025 г. российско-китайской рабочей группы по обмену опытом, регулированию и применению ИИ¹⁶ знаменует переход от декларативного двустороннего диалога к практике совместного проектирования. В отличие от предыдущих форматов новая структура, согласно ее мандату, сфокусирована на решении трех ключевых задач, раскрывающих логику «пересекающегося консенсуса»:

- 1) гармонизация стандартов для совместимости национальных ИИ-экосистем без их унификации;
- 2) координация проектов НИОКР в стратегически чувствительных областях, таких как большие языковые модели;
- 3) создание общих «регуляторных песочниц» для отработки механизмов использования искусственного интеллекта в трансграничном формате.

¹⁶ Дмитрий Григоренко: Искусственный интеллект — перспективное направление для сотрудничества России и Китая // Правительство России. 26.09.2025. URL: <http://government.ru/news/56332/> (дата обращения: 14.11.2025).

Таким образом, рабочая группа выступает не просто новым институтом, а полноценным инструментом операционализации технологического суверенитета через избирательную кооперацию.

Публичное заявление вице-премьера РФ Д. Григоренко о «прочной основе для масштабных проектов»¹⁷ следует анализировать как нарратив, конструирующий политическую реальность. Акцент на «собственных больших языковых моделях» и «технологическом суверенитете»¹⁸ выполняет несколько функций:

- внешнеполитическую — позиционирование российско-китайского альянса как независимого полюса в глобальной конкуренции за ИИ;

- внутривнутриполитическую — легитимизация курса на импортозамещение в ИТ-сфере;

- прагматическую — обозначение области синергии — объединение российских компетенций в фундаментальных исследованиях с китайскими возможностями в масштабировании.

Этот нарратив, однако, требует верификации через анализ конкретных проектов. Первоначальные шаги, как отмечает А.Д. Наливкина, сосредоточены в менее политизированных сферах, таких как медицинский ИИ, где риски конфликта интересов ниже, а потенциал быстрой отдачи — выше (Наливкина, 2025, с. 155). Справедливой представляется в данном случае позиция Д.С. Крылова о том, что «в отличие от традиционных форм дипломатического и военно-политического взаимодействия, технологическое сотрудничество позволяет государству реализовывать стратегию „мягкой силы“ в цифровом измерении, сочетая гибкость, прагматизм и диверсификацию международных партнерств» (Крылов, 2025, с. 59).

¹⁷ Дмитрий Григоренко: Искусственный интеллект — перспективное направление для сотрудничества России и Китая // Правительство России. 26.09.2025. URL: <http://government.ru/news/56332/> (дата обращения: 14.11.2025).

¹⁸ Григоренко назвал сотрудничество в сфере ИИ главной перспективой России и КНР // ТАСС. 25.09.2025. URL: <https://tass.ru/ekonomika/25160035> (дата обращения: 26.09.2025).

Анализ национальных регуляторных ландшафтов стран — основательниц БРИКС

Сравнительный анализ национальных подходов стран — основательниц БРИКС к регулированию сферы ИИ (табл. 2) позволил выявить значительную регуляторную гетерогенность среди этих подходов, что изначально создавало вызовы для выработки единой политики объединения в этой сфере. Расширение его состава за счет новых членов дополнительно усложняет эту картину, требуя учета новых регуляторных моделей и стратегических приоритетов при выработке общего подхода БРИКС к регулированию цифровой сферы.

Период 2015–2018 гг. ознаменовался фундаментальными изменениями в политике Китая в сфере ИИ: именно тогда была сформирована комплексная государственная стратегия, подкрепленная серией важнейших документов на всех уровнях власти (Выходец, 2022, с. 144). В июле 2017 г. Китай опубликовал свою национальную стратегию в области ИИ «План развития искусственного интеллекта нового поколения» (*Artificial Intelligence Development Plan, AIDP*¹⁹), в котором изложены геополитические, фискальные, а также правовые и этические цели страны в отношении технологий ИИ (Roberts et al., 2022). Национальная стратегия Китая стала концептуальной основой для построения «этатистско-меркантилистской модели» регулирования.

Институциональные механизмы реализации стратегии демонстрируют системный подход: *AIDP* устанавливает трехуровневую систему целей — от фундаментальных исследований до коммерциализации технологий, при этом ключевым инструментом становится координация между государственными научными институтами и частными технологическими компаниями. Регулирование как в случае с временными мерами по генератив-

¹⁹ Artificial Intelligence Development Plan // Foundation for Law & International Relations. July 8, 2017. URL: <https://flia.org/notice-state-council-issuing-new-generation-artificial-intelligence-development-plan/> (accessed: 23.09.2025).

ному ИИ (*Interim Measures on Generative AI*) (Migliorini, 2024) сочетает жесткие требования к безопасности контента с созданием благоприятных условий для национальных «чемпионов» (*Baidu, Alibaba*).

КНР

Технологический суверенитет и безопасность становятся абсолютным приоритетом КНР, что отражается в двух параллельных процессах. С одной стороны, ИИ рассматривается как инструмент усиления возможностей сектора безопасности и управления социальными процессами (Zeng, 2020), а с другой — исследовательские группы из китайских компаний и университетов активно разрабатывают технологии «федеративного обучения» (*federated learning* — метод машинного обучения, позволяющий обучать модели на децентрализованных данных без их централизации) (Wu, Huang & Gong, 2020, р. 303), что свидетельствует о поиске баланса между инновациями и контролем над данными.

Геополитическое позиционирование Китая в сфере ИИ характеризуется открытым стремлением к мировому лидерству к 2030 г. (Cheng & Zeng, 2023). Это предполагает не только тех-

нологическое доминирование, но и активное участие в формировании глобальных стандартов и этических норм, что соответствует общей стратегии превращения Китая в «мировую державу» в области ИИ.

Таким образом, китайская модель регулирования ИИ представляет в рамках БРИКС этатистско-меркантилистский полюс, демонстрируя путь технологического развития через жесткую вертикаль государственного управления при одновременной агрессивной поддержке национальных «чемпионов». Стратегия, нацеленная на достижение глобального лидерства к 2030 г., делает Китай ключевым драйвером технологической трансформации объединения. В рамках БРИКС Китай выступает как альтернативный технологический центр силы, предлагающий модель, основанную на принципах технологического суверенитета и стратегического планирования, что создает противовес западным подходам к регулированию ИИ. Успех китайской модели в значительной степени определяет потенциал БРИКС в формировании конкурентоспособной многополярной архитектуры глобального управления искусственным интеллектом.

Таблица 2. Сравнительный анализ регуляторных подходов стран — основательниц БРИКС в сфере ИИ

Страна	Доминирующая регуляторная модель	Ключевые акценты в политике	Отношение к «жесткому праву»
Китай	Этатистско-меркантилистская	Безопасность, контроль, экспорт технологий	Жесткое регулирование с акцентом на контроле содержания
Россия	Суверенная цифровизация	Импортозамещение, безопасность критической информационной инфраструктуры	Экспериментальные правовые режимы («регуляторные песочницы»)
Индия	«ИИ для развития» (<i>AI for All</i>)	Стартап-экосистема, инклюзивность	Либеральное регулирование, стимулирование инноваций
Бразилия	Либерально-гуманистическая	Права человека, этика, сокращение неравенства	Баланс между инновациями и защитой прав
ЮАР	Развивающая	Экономический рост, общественное благосостояние	Постепенное формирование регуляторной рамки

Источник: составлено Б.В.Ф. Агоннуде, В.А. Глебовым и А.А. Масловым на основе анализа регуляторных подходов стран-основателей БРИКС: Artificial Intelligence Development Plan // Foundation for Law & International Relations. July 8, 2017. URL: <https://flia.org/notice-state-council-issuing-new-generation-artificial-intelligence-development-plan/> (accessed: 23.09.2025); Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/AN4x6HgKWANwVtMOFpDhcbRpvdlHCCsv.pdf> (дата обращения: 23.09.2025); India's National Strategy for Artificial Intelligence // DigWatch. June 2018. URL: <https://dig.watch/resource/indias-national-strategy-for-artificial-intelligence> (accessed: 23.09.2025); Brazilian Strategy for Artificial Intelligence // OECD. April 15, 2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/access-to-public-research-data-toolkit_a12e8998-en/brazilian-strategy-for-artificial-intelligence_936c5793-en.html (accessed: 23.09.2025); South Africa National Artificial Intelligence Policy Framework // Fairbridges. August 2024. URL: <https://fwblaw.co.za/wp-content/uploads/2024/10/South-Africa-National-AI-Policy-Framework-1.pdf> (accessed: 23.09.2025).

Российская Федерация

Российская Федерация последовательно формирует модель технологического развития, которую можно охарактеризовать как «суверенную цифровизацию». Ее концептуальной основой выступает Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 г., где в качестве ключевого принципа закреплена «необходимость обеспечения технологического суверенитета» Российской Федерации в сфере ИИ²⁰.

Институциональные и правовые механизмы реализации данной модели включают несколько уровней. На системном уровне действует Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры» (№ 187-ФЗ), который задает рамки для защиты объектов критической информационной инфраструктуры (КИИ)²¹, что является безусловным приоритетом государственной политики. Одновременно с этим для стимулирования инноваций был принят Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций», создающий правовые «песочницы» для тестирования решений на основе ИИ в ограниченных условиях. Как справедливо отмечает А.А. Журков, «на период 2021–2030 годов правительство РФ определило в качестве важного направления научных исследований вопрос о правовой регламентации деятельности искусственного интеллекта» (Журков, 2023, с. 181), что подчеркивает осознание государством сложности стоящих перед ним регуляторных задач.

Отраслевые приоритеты и фокус на импортозамещении четко обозначены в документах стратегического планирования. Акцент делает-

ся на применении ИИ в оборонно-промышленном комплексе (ОПК) и в отраслях, связанных с национальной безопасностью. Это закономерно приводит к доминированию государственного заказа и тесной связке разработок с государственными научными институтами и госкорпорациями. Параллельно реализуется политика импортозамещения программного обеспечения и аппаратных решений, направленная на снижение зависимости от иностранных технологий в базовых элементах ИИ-экосистемы.

Международное сотрудничество в рамках данной модели носит избирательный и прагматичный характер и рассматривается, как и взаимодействие в рамках БРИКС в целом, в качестве инструмента диверсификации международных связей и создания альтернативных технологических цепочек, не контролируемых странами Запада.

Российская модель «суверенной цифровизации» вносит в кооперацию БРИКС критически важный компонент — акцент на безопасности критической информационной инфраструктуры и технологической независимости в стратегических отраслях. Через развитие «регуляторных песочниц»²² и избирательное международное сотрудничество (прежде всего с Китаем) Россия демонстрирует практические механизмы реализации цифрового суверенитета в условиях санкционных ограничений. В рамках БРИКС этот опыт представляет высокую ценность для стран, стремящихся сохранить политико-технологический суверенитет при интеграции в глобальные цепочки создания стоимости. Российский подход предлагает странам объединения модель балансирования между развитием инноваций и защитой национальных интересов, что укрепляет общую позицию БРИКС в вопросах управления технологиями будущего.

Республика Индия

Индия реализует уникальную в рамках БРИКС модель развития искусственного интеллекта, которая может быть охарактеризова-

²⁰ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/AN4x6HgKWANwVtMOfPDhcbRpvd1HCCsv.pdf> (дата обращения: 23.09.2025).

²¹ Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения: 23.09.2025).

²² Что такое «регуляторные песочницы» и как они помогут бизнесу // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. 06.08.2020. URL: <http://duma.gov.ru/news/49285/> (дата обращения: 23.09.2025).

на как прагматичная модель «ИИ для развития» (*AI for All*)²³. Ее становление связано с запуском в 2018 г. Национальной стратегии развития искусственного интеллекта (*National Strategy for Artificial Intelligence*)²⁴, которая заложила основу для отраслевой трансформации в контексте развития ИИ.

Институциональная архитектура и приоритетные сектора стратегии сфокусированы на решении ключевых проблем развития страны. В отличие от китайской этатистской модели индийский подход делает акцент на применении ИИ в секторах с максимальным социальным воздействием: здравоохранении, сельском хозяйстве, образовании, умных городах и инфраструктуре. Как отмечают А. Шаджи Джордж (Shaji George, 2024) и К. Рой (Roy et al., 2024), регулирование остается достаточно либеральным, что целенаправленно стимулирует развитие стартап-экосистемы и привлечение частных инвестиций. Правительственная программа “*AI for All*” нацелена на демократизацию технологий, обеспечивая их доступность для широких слоев населения.

Место Индии в БРИКС и международное сотрудничество определяются конкурентными преимуществами страны, которая позиционирует себя как глобальный хаб для аутсорсинга услуг в сфере ИИ и разработки решений для развивающихся стран. В рамках БРИКС Индия выступает за справедливое и инклюзивное управление ИИ, что соответствует ее стратегии “*AI for All*” и позволяет Нью-Дели выступать в качестве голоса развивающихся экономик. Этот подход контрастирует с более жесткими регуляторными моделями других участников объединения, создавая основу для комплементарного сотрудничества.

Ключевой вызов и баланс интересов для Индии заключается в нахождении оптимального соотношения между стимулированием инноваций и обеспечением инклюзивного роста.

С одной стороны, страна заинтересована в развитии собственной технологической индустрии и стартап-экосистемы, что требует либерального регуляторного подхода. С другой стороны, как отмечают исследователи (Shaji George, 2024; Kavita et al., 2024), критически важным остается вопрос включения широких слоев населения в цифровую экономику и предотвращения усиления социального неравенства.

Индийская модель регулирования ИИ представляет собой прагматичный гибрид, сочетающий либеральный подход к инновациям с целевыми государственными интервенциями в социально значимых секторах. Стратегия “*AI for All*” позволяет Индии не только решать внутренние задачи развития, но и занимать уникальную нишу в рамках БРИКС, выступая в роли моста между технологическими гигантами и развивающимися экономиками. Успех данной модели будет определяться способностью правительства поддерживать хрупкий баланс между технологическим прогрессом и социальной инклюзивностью, что имеет ключевое значение для устойчивого развития цифровой экономики.

Бразилия

Бразилия формирует социально-ориентированную модель регулирования ИИ в рамках БРИКС, основанную на принципах ответственного управления данными и соблюдения прав человека. Ключевым документом выступает Бразильская стратегия искусственного интеллекта (*Estratégia Brasileira de Inteligência Artificial* (EBIA), англ. *National Strategy for Artificial Intelligence*)²⁵, принятая в 2021 г. и определяющая подход страны к развитию технологий ИИ.

Центральное место в бразильском подходе занимает управление данными. Стратегия предусматривает создание национальной системы управления данными, направленной на обеспечение ответственного использования

²³ Welcome to the AI for All Program // Digital India. Ministry of Education. Government of India. URL: <https://ai-for-all.in/#/home> (accessed: 23.09.2025).

²⁴ India's National Strategy for Artificial Intelligence // DigWatch. June 2018. URL: <https://dig.watch/resource/indias-national-strategy-for-artificial-intelligence> (accessed: 23.09.2025).

²⁵ Brazilian Strategy for Artificial Intelligence // OECD. April 15, 2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/access-to-public-research-data-toolkit_a12e8998-en/brazilian-strategy-for-artificial-intelligence_936c5793-en.html (accessed: 23.09.2025).

данных и содействие их обмену между государственным и частным секторами. Особое внимание уделяется использованию государственных баз данных для разработки технологий ИИ, что отражает стремление к повышению эффективности государственного управления через цифровизацию при сохранении контроля над критическими информационными активами.

Социальная ориентация и этическая составляющая выделяют бразильскую модель среди других стран БРИКС. В отличие от меркантилистских подходов или подходов, отстаивающих национальный суверенитет, политика Бразилии в сфере ИИ акцентируется на защите прав человека, обеспечении справедливости алгоритмических систем и предотвращении дискриминации. Как отмечает Г. де Соуза, в основе бразильского подхода лежит принцип прозрачности алгоритмов и их соответствия этическим стандартам²⁶.

Позиционирование в БРИКС определяется стремлением Бразилии выступать в роли посредника между различными регуляторными подходами. С одной стороны, бразильская модель близка к либерально-гуманистическим принципам, с другой — она адаптирована к реалиям развивающихся экономик. Это позволяет Бразилии предлагать в рамках БРИКС компромиссные решения, учитывающие как необходимость технологического развития, так и важность социальной защиты.

Таким образом, бразильская модель регулирования ИИ представляет собой синтез принципов ответственного управления данными и социальной ориентации, где технологическое развитие сочетается с защитой прав человека. Акцент на этике, прозрачности алгоритмов и ответственном использовании данных отличает бразильский подход от более технократических моделей других стран БРИКС и позволяет стране занимать важную нишу в формировании стандартов ответственного

ИИ. Успех данной модели будет зависеть от способности Бразилии обеспечить практическую реализацию декларируемых принципов при сохранении конкурентоспособности в области технологических инноваций.

ЮАР

Южно-Африканская Республика формирует модель развития искусственного интеллекта, ориентированную на решение задач национального развития и позиционирование страны как регионального лидера в сфере инноваций. Основу подхода составляет проект Национальной политики в области искусственного интеллекта (*Draft National Artificial Intelligence Plan*)²⁷, который определяет стратегические приоритеты страны в данной области.

Цели и приоритеты стратегии сосредоточены на трех ключевых направлениях: стимулировании экономического роста через внедрение ИИ-технологий, повышении общественного благосостояния и укреплении позиций ЮАР как центра инноваций в области ИИ на Африканском континенте. Особое внимание уделяется применению искусственного интеллекта в здравоохранении, образовании и сельском хозяйстве — секторах, имеющих критическое значение для социально-экономического развития страны.

Социально-этическая направленность стратегии позволяет отнести южноафриканскую модель к либерально-гуманистической парадигме, которую страна разделяет с Бразилией в рамках БРИКС. Как отмечает Э. Ормонд (Ormond, 2023), в проекте национальной политики сильный акцент делается на этических аспектах использования ИИ, защите прав человека и обеспечении прозрачности алгоритмов. Этот подход отражает стремление ЮАР сокращать социальное и экономическое неравенство через ответственное внедрение технологий искусственного интеллекта.

Региональное лидерство и позиционирование в БРИКС являются важными элементами

²⁶ De Souza G. Artificial Intelligence in the Office and the Factory: Evidence From Administrative Software Registry Data // Federal Reserve Bank of Chicago Working Paper. 2026 (January). No. 2025-11 (Revised). URL: <https://doi.org/10.21033/wp-2025-11> (accessed: 12.02.2026).

²⁷ South Africa National Artificial Intelligence Policy Framework // Fairbridges. August 2024. URL: <https://fwblaw.co.za/wp-content/uploads/2024/10/South-Africa-National-AI-Policy-Framework-1.pdf> (accessed: 23.09.2025).

стратегии ЮАР. Страна стремится стать хабом для развития ИИ в Африке, что соответствует ее амбициям по укреплению позиций на международной арене. В рамках БРИКС ЮАР представляет интересы развивающихся экономик континента и выступает за учет специфических потребностей развивающихся стран при формировании глобальных стандартов в области ИИ.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что модель регулирования искусственного интеллекта ЮАР представляет собой сбалансированный подход, сочетающий задачи технологического развития с сильной социально-этической составляющей. Ориентация на решение проблем развития, сокращение неравенства и региональное лидерство отличает южноафриканскую стратегию от подходов других стран БРИКС и позволяет стране занимать важную нишу в формировании глобальной повестки развития ИИ. Успех данной модели будет определяться способностью ЮАР реализовать заявленные приоритеты на практике и укрепить свои позиции как регионального центра компетенций в области искусственного интеллекта.

Синтез подходов стран — основательниц БРИКС в сфере ИИ

Проведенный анализ национальных стратегий развития искусственного интеллекта в государствах — основателях БРИКС выявляет формирование уникального полицентричного регуляторного ландшафта, основанного на принципе комплементарности различных моделей. Каждая страна вносит в общее пространство сотрудничества собственный подход, отражающий ее глобальные политические амбиции, экономические интересы и социокультурные особенности.

Совокупность национальных стратегий рассмотренных стран БРИКС образует не конкурирующие, а взаимодополняющие модели, создающие основу для «пересекающегося консенсуса» в регулировании ИИ. Именно разнообразие подходов, а не их унификация становится ключевым преимуществом объединения, позволяя предлагать миру полицентричную

альтернативу биполярной регуляторной парадигме «Брюссель — Вашингтон». Стратегическая задача БРИКС заключается не в выработке единого стандарта, а в создании гибкой архитектуры, позволяющей гармонизировать различные регуляторные философии для достижения общих целей технологического суверенитета и справедливого управления ИИ.

Анализ национальных стратегий стран БРИКС в сфере ИИ позволяет выявить систему взаимосвязанных вызовов, которые, несмотря на регуляторную гетерогенность, формируют прочную основу для кооперации.

1. *Сопrotивление навязыванию регуляторных стандартов извне* проявляется в единодушном неприятии странами БРИКС перспективы простой адаптации либо европейской, либо американской модели. Это отражает общее понимание того, что принятие чужих стандартов равносильно утрате технологического суверенитета и возможности самостоятельного экономического развития.

2. *Противодействие технологической гегемонии* выражается в коллективном запросе на демонополизацию глобальных цепочек создания стоимости в сфере ИИ. Особую актуальность этот вызов приобретает в условиях ограниченного доступа к передовым полупроводникам и вычислительным мощностям, контролируемым узкой группой стран и корпораций.

3. *Императив цифрового суверенитета* проявляется в стремлении всех стран-участниц сохранить контроль над национальными данными и критическими технологиями. При этом каждая страна реализует этот принцип в соответствии со своей политико-экономической моделью — от этатистского контроля до либерально-гуманистического регулирования.

Выявленная система вызовов создает уникальную основу для формирования «пересекающегося консенсуса» в формате БРИКС, где разнородность регуляторных подходов становится не препятствием, а ресурсом для организации полицентричной модели управления ИИ. Расширение состава БРИКС усиливает репрезентативность объединения в рамках Глобального Юга, одновременно подтверждая

объективную тенденцию к доминированию инструментов «мягкого права» (Shaffer & Pollack, 2010) и формированию гибких «коалиций желающих». Эта модель, основанная на гармонизации разнородных подходов при сохранении национального суверенитета, представляет собой практическую альтернативу унифицирующим регуляторным подходам Запада и отражает реальные потребности многополярного мирового порядка.

«Пересекающийся консенсус» в действии: эволюция дискурса и институтов БРИКС

Изучение документов БРИКС за последние годы демонстрирует постепенный переход от рассмотрения ИИ как одной из технологий к формированию самостоятельной повестки. В заявлении лидеров стран БРИКС по глобальному управлению в области искусственного интеллекта (2025 г.) ключевыми стали формулировки о необходимости «справедливого и инклюзивного» управления ИИ, важности «создания надежных систем ИИ» и обмена лучшими практиками, а также о противодействии «дискриминационным и односторонним ограничениям» в области технологий²⁸ (прямой намек на политику США и их союзников).

Подобные формулировки, как и многие другие положения, представляют собой классический пример «пересекающегося консенсуса». Для Китая и России «инклюзивность» и «недискриминационные ограничения» означают борьбу с санкциями и доступ к передовым чипам и технологиям. Для Индии «справедливость» — это доступ к технологиям для развития своей ИИ-экосистемы, а для Бразилии и ЮАР «справедливость» и «надежность» — это прежде всего этические гарантии и защита прав человека.

Примечательно, что сегодняшнее состояние объединения характеризуется трансформацией в исключительно привлекательную платформу интеграции для развивающихся государств. Безусловным преимуществом данной структуры являются ее беспрецедентная открытость, всеохватность и равноправный подход к сотрудничеству (Глебов, Агоннуде, 2023, с. 77). Однако расширение БРИКС не упрощает, а усложняет выработку единой позиции. Теперь общий консенсус должен учитывать не только традиционное разнообразие подходов, но и новые оси напряжения: между светскими и религиозными моделями, нефтегазовыми и аграрными экономиками, регионами с высокой и низкой цифровой зрелостью. Ключевым инструментом координации остаются меморандумы о взаимопонимании и совместные заявления как инструменты «мягкого права» (Trubek & Trubek, 2005), что соответствует выявленной модели «пересекающегося консенсуса».

В рамках БРИКС происходит формирование предметных коалиций по конкретным направлениям:

- страны с развитой исследовательской базой (Китай, Россия) фокусируются на совместных проектах НИОКР в области фундаментальных исследований. При этом НИОКР эволюционировала до уровня международного кластера, где в рамках различных форм сотрудничества транснациональные корпорации, университеты, промышленные комплексы и государственные институты генерируют инновационные решения (Астратова, Климук, 2022, с. 3);

- страны с сильной ИТ-экосистемой (Индия, Китай) развивают сотрудничество в области разработки программного обеспечения и алгоритмов;

- страны с акцентом на этику (Бразилия, ЮАР) продвигают разработку этических рамок и принципов ответственного ИИ.

В целом структура сотрудничества в БРИКС эволюционирует в сторону формирования гибких коалиций по интересам, что позволяет преодолевать исходную регуляторную гетерогенность.

²⁸ Заявление лидеров стран БРИКС по глобальному управлению в области искусственного интеллекта, Рио-де-Жанейро, Бразилия 6 июля 2025 года // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/n1eGkN9xVCOwXlAGekbAlJOLApDGIXEq.pdf> (дата обращения: 26.09.2025).

Расширение БРИКС не отменяет модель «пересекающегося консенсуса», а доводит ее до логического завершения, создавая альтернативную регуляторную модель в виде еще более сложной мозаики из взаимопересекающихся многосторонних и двусторонних соглашений в рамках общей политической парадигмы многополярности и цифрового суверенитета. Роль общих институтов БРИКС будет заключаться не в диктате норм, а в функции «фасилитатора» или «платформы» для поиска партнеров под конкретные проекты и выработки минимальных общих принципов координации на глобальной арене (ООН и другие площадки). Такая позиция делает БРИКС одновременно более слабой с точки зрения внутренней сплоченности, но более сильной с точки зрения представительности и притягательности для Глобального Юга.

В начале 2026 г. одним из ключевых событий в сфере международного регулирования технологий искусственного интеллекта стала официальная поддержка Российской Федерацией китайской инициативы о создании Всемирной организации по сотрудничеству в области искусственного интеллекта. Согласно заявлению помощника президента Российской Федерации Ю. Ушакова, сделанному 4 февраля 2026 г. по итогам российско-китайских переговоров на высшем уровне, лидеры двух государств акцентировали внимание на стратегической значимости инновационных направлений международного сотрудничества. В рамках достигнутых договоренностей была подтверждена поддержка инициативы КНР по формированию специализированной международной организации, нацеленной на координацию усилий в сфере развития и регулирования технологий ИИ²⁹.

Данная инициатива выводит двустороннее и многостороннее сотрудничество на принципиально новый уровень. Если ранее обсуждавшиеся форматы (рабочие группы, меморандумы) были ориентированы преимущественно на внутреннюю координацию в рамках БРИКС

или двусторонние отношения, то предложение о создании всемирной организации знаменует переход к фазе активного строительства глобальных институтов, альтернативных существующим западным платформам.

Политическая значимость данного решения обусловлена тремя ключевыми факторами.

Масштаб амбиций. Речь идет не о региональном, а о глобальном институте, что прямо соответствует заявленной цели БРИКС по формированию многополярного мира. Создание такой организации предполагает разработку универсальных норм и стандартов в сфере ИИ, применимых на международном уровне.

Скорость реакции. Инициатива была озвучена и немедленно поддержана на высшем уровне, что свидетельствует о высоком уровне доверия и совпадении стратегических интересов России и Китая в данной сфере. Оперативность согласования позиции указывает на предварительную проработку вопроса и наличие согласованной дорожной карты.

Потенциал для расширения. Создание такой организации может стать магнитом для других стран Глобального Юга, включая членов БРИКС+, которые ищут платформу для сотрудничества в области ИИ, не контролируруемую западными игроками. Это открывает возможности для формирования широкой коалиции государств, заинтересованных в альтернативной модели регулирования технологий.

На момент написания данного исследования детали мандата и структуры будущей организации не были раскрыты. Однако сам факт выдвижения этой инициативы подтверждает главный тезис авторов: БРИКС (и его ключевые участники) переходят от стратегии адаптации к существующим правилам к стратегии создания собственной глобальной нормативной архитектуры.

Таким образом, поддержка российской стороной китайской инициативы может рассматриваться как важный шаг в формировании институциональной основы глобального управления технологиями ИИ. Это является наиболее яркой иллюстрацией практической реализации модели «пересекающегося консенсуса», где общий политический императив

²⁹ Ушаков: РФ поддержала идею КНР по всемирной организации в сфере ИИ // ТАСС. 04.02.2026. URL: <https://tass.ru/politika/26345195> (дата обращения: 24.02.2026).

(противодействие технологической гегемонии) материализуется в конкретном институциональном проекте. Данный кейс демонстрирует эволюцию подходов БРИКС к международному технологическому регулированию — от координации внутри группы к формированию самостоятельных глобальных институтов.

Вместо заключения: практические рекомендации для развития сотрудничества стран БРИКС в сфере ИИ

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что сотрудничество стран БРИКС в сфере ИИ не направлено на быстрое создание единого жесткого регуляторного пространства по образцу Европейского союза, а формирует уникальную гибридную модель, суть которой состоит в координации разнородных национальных режимов для достижения общих стратегических целей на глобальной арене. Основные черты этой возникающей модели сводятся к следующему.

1. Доминирование «мягкого права»: гармонизация происходит прежде всего через этические кодексы, общие принципы и совместные политические заявления, а не через директивы.

2. Примат политики над правом: основой кооперации является общий политический императив — построение многополярного технологического порядка, а не стремление к унификации законодательства.

3. Инструментальная цель: согласованные в рамках БРИКС подходы являются не конечным продуктом, а инструментом для продвижения общей позиции на площадках ООН, ЮНЕСКО и Международного союза электросвязи (МСЭ), где и происходит настоящее «сражение за нормы».

Таким образом, «альтернатива» БРИКС заключается не в готовом правовом пакете, а в альтернативном процессе нормотворчества — более гибком, многоуровневом и ориентированном на суверенитет. Кроме того, модель «пересекающегося консенсуса» может привлечь страны Глобального Юга, стремя-

щиеся сохранить пространство для маневра в условиях технологической холодной войны.

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие практические рекомендации для развития сотрудничества в сфере ИИ в рамках БРИКС.

Разработка цифровой платформы для гармонизации стандартов в сфере ИИ. В условиях различий национальных регуляторных подходов перспективным решением станет создание совместной цифровой платформы, позволяющей отслеживать и сопоставлять национальные стандарты. Опыт подобных инициатив уже есть: их реализуют в рамках G7 (Глобальное партнерство по ИИ), и этот опыт можно адаптировать для стран БРИКС. Примером может служить запущенная Европейской комиссией в октябре 2025 г. Единая информационная платформа по Акту об ИИ (*AI Act Single Information Platform*). Платформа, созданная для поддержки имплементации *EU AI Act*, включает такие инструменты, как интерактивный опросник для определения применимых обязательств (*Compliance Checker*), поисковая версия законодательства (*AI Act Explorer*) и канал прямых запросов в Европейский офис по ИИ³⁰. Хотя платформа ориентирована на регулирование в рамках ЕС, ее архитектура демонстрирует, как можно обеспечить прозрачность и навигацию в сложном регуляторном ландшафте, что является прямым аналогом предлагаемой платформы гармонизации для БРИКС.

Формирование механизма ускоренного признания сертификации. На базе Рабочей группы по ИИ целесообразно разработать соглашение о взаимном признании результатов сертификации продуктов на основе ИИ в рамках «регуляторных песочниц». Это позволит снизить транзакционные издержки для компаний, работающих на рынках стран БРИКС, и стимулировать трансфер технологий.

³⁰ Commission Launches AI Act Service Desk and Single Information Platform to Support AI Act Implementation // European Commission. October 8, 2025. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/commission-launches-ai-act-service-desk-and-single-information-platform-support-ai-act?pk_source=ec_newsroom&pk_medium=email&pk_campaign=Shaping%20Europe%E2%80%99s%20Digital%20Future/en (accessed: 24.02.2026).

Успешным примером выступает инициатива Сингапура и Австралии по обеспечению интероперабельности национальных регуляторных подходов в области ИИ, зафиксированная в Меморандуме о взаимопонимании, подписанном в декабре 2024 г. Документ предусматривает «содействие согласованию структур и инструментов управления и регулирования» искусственного интеллекта³¹.

Запуск совместной исследовательской программы по большим языковым моделям. Страны с развитой исследовательской базой (Китай, Россия, Индия) могли бы инициировать программу по разработке многоязычных моделей, учитывающих языковое и культурное разнообразие Глобального Юга. Как подчеркивается в докладе шерпы Индии в G20 Амитабха Канта (февраль 2026 г.), без такого подхода развитие ИИ рискует закрепить цифровое неравенство и создать «глубоко неравное общество»³².

Перспективные направления дальнейших исследований могут быть сосредоточены на нескольких ключевых аспектах.

Во-первых, целесообразно провести углубленный анализ стратегических подходов новых членов БРИКС к вопросам регулирования ИИ.

Во-вторых, важно оценить, как дальнейшее расширение объединения до формата БРИКС+ повлияет на достижение консенсуса в сфере искусственного интеллекта. Особое внимание следует уделить детальному исследованию роли негосударственных акторов, включая IT-компании и экспертные сообщества, в процессе формирования эффективной модели регулирования этой динамично развивающейся области. Такой комплексный подход позволит не только выявить существующие тенденции, но и спрогнозировать возможные сценарии развития сотрудничества в рамках расширенного объединения.

Поступила в редакцию / Received: 02.10.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 07.03.2025

Принята к публикации / Accepted: 27.03.2026

Список литературы

- Астратова Г. В., Климук В. В. К вопросу об эффективности и результативности труда научных работников R&D-сектора // Вестник евразийской науки. 2022. Т. 14, № 1. С. 1–16. EDN: RPRTXQ
- Белов И. И. Закон Европейского союза об искусственном интеллекте: вызовы и возможности для управления документацией // Вестник ВНИИДАД. 2024. № 6. С. 96–106. EDN: JPKQIH
- Болгов Р. В. Политика государств, находящихся под санкциями, в области искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17, № 1. С. 77–95. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.105>; EDN: JCXSPM
- Васильев Д. П. Формирование международных режимов управления искусственным интеллектом: ключевые тенденции и основные акторы // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 8. С. 74–88. <https://doi.org/10.24158/per.2023.8.9>; EDN: ESMQKV
- Выходец Р. С. Стратегия Китая в области искусственного интеллекта // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 2. С. 140–147. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-02-140-147>; EDN: SXVSTK
- Глебов В. А., Агоннуде Б. В. Ф. Перспективы расширения БРИКС // Международная жизнь. 2023. № 4. С. 76–87. EDN: BPESTT
- Горян Э. В. «Цифровой национализм» как воплощение китайской доктрины «пяти принципов мирного сосуществования» // Международное право и международные организации. 2022. № 4. С. 82–97. <https://doi.org/10.7256/2454-0633.2022.4.39303>; EDN: VLKBTk

³¹ Singapore and Australia Expand Cooperation on AI // Allen & Gledhill. January 23, 2025. URL: <https://www.allenandgledhill.com/publication/articles/29834/and-australia-expand-cooperation-on-ai> (accessed: 24.02.2026).

³² Amitabh Kant Warns AI Risks Inequality Without DPI, Urges 3 Pillars // Asiaret News. February 17, 2026. URL: <https://newsable.asianetnews.com/world/amitabh-kant-warns-ai-risks-inequality-without-dpi-urges-3-pillars-articleshow-bhy9y05> (accessed: 24.02.2026).

- Денисова Д. Э. БРИКС: вчера, сегодня, завтра // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2022. № 2. С. 40–54. <https://doi.org/10.24412/2618-8120-2022-2-40-54>; EDN: CJZMFD
- Журков А. А. Актуальные вопросы правового регулирования искусственного интеллекта в условиях необходимости обеспечения национального цифрового суверенитета в период санкционного давления // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2. С. 177–186. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.102.2.177-186>; EDN: LOHDTU
- Карев Д. А., Чертыковцев Ю. В. Цифровой суверенитет // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 80–83. EDN: TTXONP
- Крылов Д. С. Цифровая трансформация Объединенных Арабских Эмиратов как инструмент национальной модернизации и внешнеполитической стратегии (2023–2025) // Россия и мусульманский мир. 2025. № 2. С. 54–64. EDN: XIFHPO
- Кудряшов В. В. «Мягкое право» как метод регулирования международных финансовых отношений в зарубежной доктрине международного финансового права // Московский журнал международного права. 2013. № 2. С. 70–89. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2013-2-70-89>; EDN: QZHCSB
- Кукишев В. И. Классификация систем искусственного интеллекта // Экономические стратегии. 2020. Т. 22, № 6. С. 58–67. <https://doi.org/10.33917/es-6.172.2020.58-67>; EDN: KPAUJJ
- Кунин В. А., Упорова И. В. Риск-ориентированный подход контрольно-надзорной деятельности: международный опыт и особенности применения в российских условиях // Экономика и управление. 2019. № 2 (160). С. 59–68. EDN: ZEUGCT
- Купер Э. Ф. Переосмысляя дискуссию относительно БРИКС вне пределов ее концептуальных истоков // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. Т. 17, № 2. С. 31–49. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-02>; EDN: IECRTV
- Наливкина А. Д. Политические аспекты сотрудничества России и Китая в сфере искусственного интеллекта в здравоохранении // Управленческое консультирование. 2025. № 3. С. 148–159. EDN: PHCYCH
- Нусратуллин В. К. Принцип «laissez faire» в экономической теории и реальной практике // Экономический вестник Донбасса. 2007. № 4. С. 54–64. В. К. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-laissez-faire-v-ekonomicheskoy-teorii-i-realnoy-praktike> (дата обращения: 18.02.2026).
- Подольский А. В., Ольшанский А. С. К вопросу о значении «мягкого права» в международно-правовом регулировании // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 507–510. EDN: MRQCMW
- Потапцева Е. В., Акбердина В. В. Технологический суверенитет: понятие, содержание и формы реализации // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2023. Т. 25, № 3. С. 5–16. <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2023.3.1>; EDN: VDGLXR
- Шелепов А. В. Сотрудничество БРИКС по реформированию международной валютно-финансовой системы и ее институтов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2025. Т. 20, № 1. С. 157–175. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2025-01-09>; EDN: XWQXJN
- Bocken N., Coffay M., Dalhammar C. The Brussels and California Effects? Circular Economy Policy Influence Across Borders // Circular Economy and Sustainability. 2025. Vol. 5, iss. 3. P. 1665–1688. <https://doi.org/10.1007/s43615-025-00516-4>; EDN: MDFNBV
- Bory P., Natale S., Katzenbach C. Strong and Weak AI Narratives: An Analytical Framework // AI & Society. 2024. Vol. 40, iss. 4. P. 2107–2117. <https://doi.org/10.1007/s00146-024-02087-8>; EDN: GIVMSF
- Bradford A. The Brussels Effect: How the European Union Rules the World. New York : Oxford University Press, 2020. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190088583.001.0001>
- Cheng J., Zeng J. Shaping AI's Future? China in Global AI Governance // Journal of Contemporary China. 2023. Vol. 32, iss. 143. P. 794–810. <https://doi.org/10.1080/10670564.2022.2107391>; EDN: XRBSVH
- Duffy M. J. Rise of the ‘Machine Defendant’? A Cautionary Analysis and Conceptualisation of Civil and Criminal Liability Approaches to the Actions of Robots and Artificial Intelligence // Monash University Law Review. 2023. Vol. 49, iss. 2. P. 1–42. <https://doi.org/10.26180/24999047>
- Migliorini S. China's Interim Measures on Generative AI: Origin, Content and Significance // Computer Law & Security Review. 2024. Vol. 53. Article no. 105985. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2024.105985>; EDN: IUNQTT
- Ormond E. Governance of AI Ethics: Perspective From the Global South (Africa) // Proceedings of the Fourth Southern African Conference for Artificial Intelligence Research / ed. by A. Pillay, E. Jembere, A. Gerber. Guateng, South Africa, 2023. P. 1–20. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4368020>
- Rawls J. The Idea of an Overlapping Consensus // Oxford Journal of Legal Studies. 1987. Vol. 7, no. 1. P. 1–25. EDN: IVMJQX
- Roberts H., Cows J., Hine E., Morley J., Wang V., Taddeo M., Floridi L. Governing Artificial Intelligence in China and the European Union: Comparing Aims and Promoting Ethical Outcomes // The Information Society. 2022. Vol. 39, iss. 2. P. 79–97. <https://doi.org/10.1080/01972243.2022.2124565>; EDN: SXVMYQ

- Roy K., Swargiary K., Stang P., Kalamkar N. J., Gellen D. R., Zhang J., Kato T. Artificial Intelligence in India: A Revolution in Progress // ResearchGate. 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/381530250_Artificial_Intelligence_in_India_A_Revolution_in_Progress (accessed: 12.05.2026).
- Shaffer G. C., Pollack M. A. Hard vs. Soft Law: Alternatives, Complements and Antagonists in International Governance // Minnesota Law Review. 2010. Vol. 94, iss. 3. P. 706–799. <https://doi.org/10.24926/265535.1391>
- Shaji George A. India's Ascent as the Global Epicenter of Artificial Intelligence // Partners Universal Innovative Research Publication (PUIRP). 2024. Vol. 2, no. 1. P. 1–15. <https://doi.org/10.5281/zenodo.10667648>
- Trubek D. M., Trubek L. G. Hard and Soft Law in the Construction of Social Europe: The Role of the Open Method of Co-ordination // European Law Journal. 2005. Vol. 11, iss. 3. P. 343–364. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0386.2005.00263.x>
- Vaynman J., Volpe T. A. Dual Use Deception: How Technology Shapes Cooperation in International Relations // International Organization. 2023. Vol. 77, iss. 3. P. 599–632. <https://doi.org/10.1017/S0020818323000140>; EDN: NEYOSQ
- Wang W., Long C. A New Era of “Greater BRICS Cooperation”: The Future of the World and China's Role // BRICS Journal of Economics. 2024. Vol. 5, no. 4. P. 37–54. <https://doi.org/10.3897/brics-econ.5.e129530>; EDN: KBDBPA
- Wu W., Huang T., Gong K. Ethical Principles and Governance Technology Development of AI in China // Engineering. 2020. Vol. 6, iss. 3. P. 302–309. <https://doi.org/10.1016/j.eng.2019.12.015>; EDN: VSCTDG
- Zeng J. Artificial Intelligence and China's Authoritarian Governance // International Affairs. 2020. Vol. 96, iss. 6. P. 1441–1459. <https://doi.org/10.1093/ia/iaaa172>; EDN: BNCWAS

Сведения об авторах:

Агоннуде Бидолей Вианней Фредди — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры публичной политики и истории государства и права юридического института, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; eLibrary SPIN-код: 9457-7952; ORCID: 0000-0001-5807-6591; e-mail: freddyagonnoude@mail.ru

Глебов Виктор Александрович — кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой публичной политики и истории государства и права юридического института, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; eLibrary SPIN-код: 5134-9334; ORCID: 0000-0002-4272-8927; e-mail: glebov17@mail.ru

Маслов Алексей Александрович — доктор исторических наук, профессор, директор Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова; 125009, Российская Федерация, г. Москва, ул. Моховая, д. 11; eLibrary SPIN-код: 8336-3284; ORCID: 0000-0001-7337-2874; e-mail: maslov@maslov.msk.ru